

Ващук А. С.
A. S. Vashchuk

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ И ПРОЕКТ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОКА В 1990-е – ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

NEOLIBERAL IDEAS AND THE RESTRUCTURING PROJECT OF THE NORTHEAST 1990S – THE FIRST DECADE OF THE XXI CENTURY (BASED ON MATERIALS OF THE MAGADAN REGION)

Ващук Ангелина Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, зав. отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Россия, Владивосток). E-mail: va_lina@mail.ru.

Angelina S. Vashchuk – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Socio-Political Research Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok). E-mail: va_lina@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируется история проекта реструктуризации Северо-Востока в контексте инкорпорации неолиберальных идей в отечественную литературу, принятия западных теорий в целом и миграционной политики в частности политической либеральной элитой в России. Проблема рассматривается в территориальных рамках Магаданской области. Установлено, что теоретической базой реструктуризации социально-экономического пространства области стали два идейно-научных комплекса: «сжатие социально-экономического пространства», «ресурсного проклятия» – и концепт «освоения ресурсов вахтовым методом». Раскрывается картина отношения Б. Н. Ельцина и Е. Т. Гайдара, а также региональных политиков к регулированию численности населения на Северо-Востоке. Дан анализ рекомендаций Всемирного банка, которые правительством РФ были приняты для решения социально-экономических проблем региона. Сделан вывод: внедрение либеральных идей (приватизация предприятий золотодобывающей отрасли, привлечение иностранных инвестиций и освобождение предприятий от функции развития инфраструктуры, поддержка вахтового метода и закрытие неперспективных населённых пунктов) привели к сжатию физического социально-экономического пространства территории: резкому сокращению населения и руинизации территории.

Summary. The article analyzes the history of the implementation of the North-East restructuring project in the context of the incorporation of neoliberal ideas into domestic literature, the adoption of Western theories in general, and migration policy in particular, by the political liberal elite in Russia. The problem is considered within the territorial framework of the Magadan region. It has been established that the theoretical basis for the restructuring of the socio-economic space of the region were two ideological and scientific complexes: «compression of the socio-economic space», «resource curse» and the concept of «resource development on a fly-in/fly-out practice». The picture of the attitude of B. N. Yeltsin and E. T. Gaidar, as well as regional politicians, to regulating the population in the northeast is revealed. An analysis of the recommendations of the World Bank, which were adopted by the government of the Russian Federation to solve the socio-economic problems of the region, is given. It is concluded that the introduction of liberal ideas (privatization of gold mining enterprises, attracting foreign investment and freeing enterprises from the function of infrastructure development, supporting the fly-in/fly-out practice and closing unpromising settlements) led to a compression of the physical socio-economic space of the territory: a sharp reduction in population and the ruination of the territory.

Ключевые слова: Северо-Восток России, Магаданская область, политическая элита России, неолиберальные теории, инкорпорация идей, программа закрытия неперспективных населённых пунктов, миграция, руинизация.

Key words: Northeast of Russia, Magadan region, political elite of Russia, neoliberal theories, incorporation of ideas, program for closing unpromising settlements, migration, ruinization.

Северо-Восток России как значительная часть национальной территории всегда представлял большой интерес для власти и исследователей, и сегодня он остаётся зоной повышенного внимания. Особенно многих учёных интересуют демографическая проблема и дальнейшие перспективы стабильности численности и состава населения. Специалисты разных отраслей знаний фиксируют, что уже в 1992-1995 гг. в регионах Севера и Востока страны наблюдалось сокращение населения и миграция с территорий, наиболее богатых сырьевыми ресурсами. Для исторической науки актуально несколько аспектов северо-восточной проблематики. Это не только объяснение причин оттока населения, но и установление специфики вхождения местного сообщества в эпоху радикально-либеральных реформ с учётом фактора глобализации, а также установление процесса распространения нелиберальных идей среди интеллектуалов и политиков.

Цель статьи – определить роль либерального комплекса идей в разработке проектов реструктуризации российского Севера в целом и миграционной политики в частности. С учётом политического фактора, административно-территориальной реформы 1992 г. – Чукотка стала самостоятельным субъектом РФ – проблема рассматривается нами в рамках Магаданской области (см. прим. 1).

Новизна статьи заключается в постановке и решении трёх задач. Прежде всего, необходимо установить, какие же конкретные западные идеи привлекали внимание российских исследователей в контексте изучения российского Северо-Востока. Вторая задача – выявить картину отношения либеральных политиков, пришедших к власти в 1991-1993 гг., к идеям западных экспертов и учёных. Третья задача – раскрыть результаты внедрения постсоветского проекта реструктуризации Северо-Востока.

К достижению цели можно приблизиться на базе метода синтеза интеллектуальной истории и социально-политической парадигмы. Как подчёркивает Л. П. Репина, «первейшая задача интеллектуального историка – понять исторический текст (будь то письменный текст, созданный средствами языка, феноменологический текст как социальная репрезентация или же текст, порождённый поведением субъекта), то есть *понять выраженную в тексте идею*» [31, 9]. Она, солидаризируясь с китайским учёным Чень Синь, говорит: «Но это, в свою очередь, означает выявить во всех его конкретных деталях тот “контекст”, в котором эта идея возникла, ограничения, которые эта идея как форма накладывает на исторический текст, и вызванное этими ограничениями воздействие “объективной истории” на состояние воспринимающего субъекта» [31, 9].

Активное внимание отечественных гуманитариев к западным теориям в 1990-е годы – начале 2000-х и инкорпорация их в российское научное пространство стали отличительной чертой эпохи. В нашем случае речь пойдёт о восприятии отечественными исследователями ряда западных теорий о развитии государств, имеющих богатые природные ресурсы, в условиях перехода к рынку. Метод синтеза интеллектуальной истории и социально-политической парадигмы, используемый в исторической науке, включает не только анализ рождения идей, их распространения, но и установление их главных проводников – субъектов, институтов.

Одним из проводников интеллектуальной конвергенции в эпоху глобализации выступили финансовые институты Запада, они активно акцентировали внимание российских учёных и политиков на комплексе идей в области реформирования в целом советской системы, но особенно в сфере знаний о значении природных ресурсов для экономики страны.

В качестве примера приведём утверждение одного из экспертов МВФ Джона Одлинг-Сми (см. прим. 2), который в 2004 г. достаточно откровенно писал, что главная роль МВФ заключалась в передаче знаний по вопросам рыночно-ориентированной макроэкономической политики. Итогом многочисленных встреч стало более глубокое понимание вопросов макроэкономической теории российскими политиками и научными экспертами, которые заняли ключевые посты и должности во властных структурах [25]. С такими выводами трудно не согласиться.

Надо отдать должное отечественным исследователям, которые проделали уже огромную аналитическую работу [47]. Одной из первых в России к теме роли финансовых институтов Запада

в разработке проектов реструктуризации Дальневосточного региона обратилась А. А. Ждановская, назвав масштабный процесс инкорпорации западных идей и финансирование проектов реструктуризации Севера «неолиберальной петлёй» для России [9]. «Соответственно, задачей экономической политики стала либерализация финансовых рынков, приватизация, снижение налогов для бизнеса, максимальное снятие барьеров со свободного рынка, включая допуск иностранных компаний к банковскому сектору и прочим активам, сокращение социальных расходов, фискальная дисциплина и т.д., – то есть создание свободного рынка и минимизация государственного регулирования. *Индустриализация перестала рассматриваться как базовый путь экономического развития.* На смену пришла идея глобального разделения труда, подкреплённая убеждением о равнозначности разных видов экономической активности», – подчёркивает С. Щербак [47, 299]. Среди институтов, которые активно проводили внедрение либеральных идей, в том числе «ресурсного проклятия», оказался и фонд Карнеги (см. прим. 3), издававший журнал «Pro et Contra».

Основные тенденции интеллектуальной конвергенции в российском научном пространстве. Синхронно с деятельностью европейских финансовых институтов в российском научном сообществе наблюдался быстро нарастающий интерес к изучению зарубежной литературы гуманитариями по многим направлениям. Анализ отечественной литературы и ход реализации проекта реконструкции Севера позволяют высказать следующую гипотезу. На идейно-научный характер исследований по северо-восточной тематике как минимум повлияли две зарубежные теории: «сжатие социально-экономического пространства» и «ресурсного проклятия», – а также концепция необходимости расширения «вахтового метода» для получения прибыли от природных ресурсов на Севере.

Понятие «сжатие социально-экономического пространства» ввёл Д. Харви в 1990 г. Автор, проделав ретроспективный анализ большого массива источников, пришёл к заключению: на протяжении последних двух десятилетий «мы переживаем интенсивную фазу пространственно-временного сжатия, которое оказало дезориентирующее и разрушающее воздействие на политико-экономические практики, баланс классовых сил, а также на культурную и социальную жизнь» [40].

Среди множества изучаемых аспектов, входящих в научный комплекс, можно выделить поиск подходов к исследованию стратегии развития северных территорий в исторической ретроспективе и на современном этапе [7; 10; 15]. Проблема влияния зарубежных идей на разработку региональной политики в России в целом и на отношение Центра к демографическим и миграционным процессам на Северо-Востоке в частности интересует представителей различных отраслей знаний. В современной литературе присутствуют две трактовки этого явления: первая – это коммуникативное сжатие пространства и вторая – физическое сжатие, связанное с сокращением площади, с изменениями системы расселения, с сокращением численности населения на активно освоенных территориях [35; 37]. В данной статье речь идёт в рамках второго смысла [40].

В контексте нашей постановки проблемы можно поддержать вывод Д. Харви о взаимосвязи идей и политики: «История социального изменения отчасти подчинена истории представлений о пространстве и времени и тем способам идеологического использования, на службу которым могут быть поставлены эти представления» [40].

В России с 90-х годов прошлого века и до сих пор ведётся бурная дискуссия по теории «сжатия» [35; 37]. Классическим примером инкорпорации западной теории в научно-экспертное отечественное пространство продемонстрировали, прежде всего, российские социальные географы. В 1993 г. Ю. Л. Пивоваров сформулировал так называемый вариант альтернативной концепции теории «сжатия», назвав её концепцией «сжатия интенсивно используемого пространства». Он писал: «На протяжении многих десятилетий в эйфории освоения несметных природных богатств в России проводилась догматическая политика “сдвига производительных сил на Восток” – в районы с суровыми социальными и природными условиями. Эта крайне неэффективная, сверхзатратная политика освоения ресурсов на огромных пространствах Севера и Востока опиралась на несостоятельную методологию управления социальными процессами» [27].

Достаточно образно выразили этот же постулат географы А. Трейвиш и В. Шупер: «...если бы за Уралом плескался океан, то, скорее всего, Россия уже давно была бы полноправным членом

сообщества цивилизационных стран» [39]. С такой позицией солидарен и Б. Родоман [34]. Кроме того, последний связывает географический фактор и богатство ресурсов с политическим аспектом, соединяя воедино «теорию сжатия» и теорию «ресурсного проклятия», и утверждает, что эта связь приводит к отсутствию демократических институтов. Вторая теория чаще всего связывает наличие природных ресурсов и политические проблемы страны. В этом плане российские учёные обращались к идеям А. Россера «Политическая экономия “ресурсного проклятия”: обзор литературы» (2006) [49].

Что касается истории внедрения теории «проклятия ресурсов» в российскую литературу, актуально вспомнить зарубежных авторов, труды которых стали предметом особого внимания отечественных исследователей. С началом проведения системных реформ в России отечественные гуманитарии анализировали американскую теорию «ресурсного проклятия», основателем которой является Р. М. Аути (в другой транскрипции Оти). Географ-экономист Ричард М. Аути из университета Ланкастера в 1993 г. ввёл в научный дискурс термин «ресурсное проклятие» для описания связи между снижением темпов роста экономики и ростом ресурсозависимости, что выражается в увеличении значимости некоего природного ресурса в экономике страны [48]. Именно это положение много раз за последние двадцать лет подвергалось обсуждению, переосмыслению. Тезис о негативном влиянии ресурсного изобилия и по сей день входит в число дискуссионных проблем. Как справедливо заметили предшественники, теория «ресурсного проклятия» стала особенно импортироваться в российское научное сообщество в середине 90-х годов XX в., после публикации труда гарвардского профессора, советника правительств России (при Ельцине), Польши, Югославии, Африки, Азии и Восточной Европы, автора «шоковой терапии» Джеффри Сакса и Эндрю Уорнера [21; 51].

В работах зарубежных авторов теория «ресурсного проклятия» рассматривается не только в контексте экономического развития, но и в тесной связке с политикой. На этот аспект, например, обращает внимание Д. Н. Трубицын. Он, цитируя Р. Аути, пишет: «...в странах, богатых ресурсами, серьёзно затрудняется не только диверсификация экономики, но и процесс становления демократии» [39, 107]. По мнению Р. Аути, такие государства «обзаводятся корыстным и хищническим чиновничеством, заботящимся только об извлечении ренты» [36, 113].

Как справедливо подчёркивают отечественные исследователи И. Ю. Ховавко, К. И. Шведов, российские учёные не исключают возможные негативные социальные последствия феномена «ресурсного богатства»: деструктивное поведение элит, максимизацию элитами собственной функции полезности, снижение эффективности государства и его возможности амортизировать экономические шоки, изменение соотношения сил больших групп и классов [28; 42].

Среди отечественных экономистов-либералов в изучаемый период оказался популярным концептуальный тезис о том, что наиболее эффективными для преодоления ресурсного проклятия институтами являются сильная защита прав собственности, «открытость экономики, низкий уровень коррупции и такие политические институты, как подотчётность правительства и гарантии исполнения им контрактов. Помимо институтов, важными факторами являются размер компаний экспортного сектора (меньше – лучше) и наличие сильного частного сектора. А гибкость фискальной политики и налогообложение средней тяжести создадут стимулы инвестировать и отведут угрозу национализации добывающего сектора в период высоких цен на сырьё» [44]. Особенно значительное число поклонников в России теории «ресурсного проклятия» оказалось после публикации книги Ф. Хилл, К. Гэдди [41]. Как утверждают эти авторы, советское планирование привело к тому, что ресурсы использовались неправильно, неэффективно [41].

Некоторые российские исследователи, принимая тезис зарубежных экспертов при изучении советского периода, игнорируют тот факт, что измерять советское прошлое регионов только на основе критерия экономической эффективности непродуктивно и некорректно. Необходимо учитывать специфику всей плановой и централизованной распределительной системы, которая была базисом «освоенческой модели», или стратегии «сдвига производительных сил на Восток» [1]. Централизованной системе планирования соответствовало и прямое регулирование политики воздействия на причины, побуждающие человека принять решение о смене места жительства в совет-

скую эпоху во второй половине XX в. [1; 19, 1269]. Не стоит также и забывать, что освоенческая модель Северо-Востока страны тесно была увязана и с финансово-бюджетной системой советского типа.

Анализируя проблему инкорпорации зарубежных идей в интеллектуальное пространство, российские учёные уже проделали большую работу по систематизации научных подходов изучения экономических и политических последствий природных богатств [42, 63]. С позиции современного исторического горизонта можно сделать вывод, что по мере того, как усиливались позиции отечественных либералов во власти, отчётливо проявлялись основные черты неолиберального мировоззрения в российской литературе. Их можно свести к краткой формуле: чем богаче страна природными ресурсами, тем ниже темпы и уровень экономического развития; наличие природного богатства не даёт возможности развиваться демократическим институтам и способствует коррупции; частный сектор – один из механизмов преодоления «ресурсного проклятия».

Тем не менее важно заметить, что путь внедрения зарубежных идей в труды отечественных гуманитариев сопровождался наличием полярных взглядов. Например, сибирский историк М. А. Куян подчёркивает: результаты научного исследования не доказывают, что страны, богатые ресурсами, жили бы лучше, если бы избавились от них [16]. Несмотря на присутствие крайних точек зрения, для современного этапа характерна тенденция интеллектуальной конвергенции на основе так называемого промежуточного взгляда. Так, её сторонником является И. Л. Любимов: «Сами по себе природные ресурсы не приносят вреда или пользы для экономического развития, результат их использования зависит от дополняющих факторов, уровня образования и качества институтов» [19].

В 2000-е гг. в отечественной литературе начинает распространяться так называемая альтернативная «ресурсному проклятию» концепция, имеющая характер гипотезы. Согласно ей, наличие сильных государственных институтов не позволяет эффективно распоряжаться доходами природной ренты и обеспечивать высокие результаты экономического и социального развития страны [6]. Ядром предлагаемой либеральной модели является полная передача государственных корпораций, занимающихся добычей природных ресурсов, в частные руки. В её основу авторы предлагают положить показатели институциональных рейтингов и структуры собственности в добывающих отраслях сырьевых стран в различных регионах мира, верховенство закона, гарантированные права.

Однако уже в 2000-е гг. часть либеральных учёных стала скептически высказываться относительно «ресурсного проклятия». Такой пример демонстрирует бывший директор Рабочего центра экономических реформ при правительстве России А. Илларионов (см. прим. 4). Он, несмотря на то, что покинул Россию и стал критиковать современную российскую власть, назвал теорию мифом. Выступая в Высшей школе экономики на конференции «Природные ресурсы в экономическом развитии: благо или риски?», А. Илларионов заявил: «Построение моделей “ресурсного проклятия” может рассматриваться не более чем как курьёз... На самом деле “теория ресурсного проклятия” – это пропагандистский миф, не имеющий ничего общего ни с экономикой, ни с жизнью» [33; 43, 175].

Отличительной чертой интеллектуально-идеологического поля первого десятилетия XXI в. стала постановка такого вопроса, как фактор ресурсного проклятия и проблема национальной безопасности. Но при этом одни идеологи из России – либералы, – рассматривая процесс оттока населения с Дальнего Востока, считают, что власть должна учитывать интересы российского общества, которое стремится к европеизации и «сбросу избыточной “азиатской ноши”». Другие же – умеренные патриоты – возражают, что истинные интересы российского общества проявляются в традиционном сохранении “Востока” и “Севера”», – пишет В. Цымбурский в своей рецензии на книгу «Миграция и безопасность в России» [43].

Инкорпорация двух научных комплексов в труды отечественных гуманитариев стала неким ориентиром для ряда гуманитариев, которые выступили с критикой «освоенческой модели» северных территорий, сформулированной в советский период. Например, в трудах А. Широкова стала возрождаться теория внутренней колонизации Северо-Востока [46]. Тем не менее в истори-

ческом дискурсе термин «модель освоения Северо-Востока» по-прежнему остаётся доминирующим [5, 8-9; 12].

Параллельно с критикой советской модели освоения территории, богатой природными ресурсами, группа отечественных исследователей работала над научным обеспечением новой миграционной политики в северных российских регионах в условиях глобализации. Основное направление формировалось вокруг поиска аргументов для обоснования перенаселённости Севера и необходимости перехода на вахтовый метод работы, в том числе и в Магаданской области.

В центре внимания российских учёных оказалась концепция «вахтового метода», основателем которой является Кит Сторей (Storey K.), изучавший практику использования этой формы миграции в нефтегазовой отрасли Канады и Австралии. Если быть объективным, то надо признать историографический факт: он справедливо обратил внимание как на положительные итоги, так и на негативные последствия использования вахтового метода, сделав следующий вывод. Сокращение численности населения, в свою очередь, отражается на решениях, принимаемых бизнесом и властью, которые негативно влияют на регионы. «Эффект “вахты” означает, что многие выгоды от освоения ресурсов в отдалённых районах достаются более крупным и отдалённым мегаполисам» [52, 1163-1164]. Идея вахтового метода была воспринята и некоторыми дальневосточными экономистами, например, профессором В. Заусаевым [11], который абсолютизировал выгоды вахтового метода и широко пропагандировал его в СМИ.

Краткая характеристика инкорпорации зарубежных идей позволяет перейти к анализу самого проекта реструктуризации Севера, базировавшегося на рассматриваемых выше теориях. Частью проекта стала миграционная стратегия Центра по отношению к Магаданской области в период приватизации и прихода иностранного капитала в золотодобывающую и серебряную отрасль.

От теории к практике. В феврале 1992 г. МВФ и Россия подписали «Меморандум об экономической политике». Условием вступления РФ в МВФ было проведение политики структурного приспособления, которая включала реформу отношений Центра и регионов. В 1992 г. исполняющий обязанности премьер-министра Е. Т. Гайдар побывал в Магадане, тогда же он заявил, что Север перенаселён и не рентабелен [26]. В 1997 г. он вновь повторил этот тезис [17, 96]. Фактически Гайдар одновременно отразил теорию «ресурсного проклятия» и «сжатия пространства». Правительство РФ для властей Магаданской области обозначило триединую задачу: приватизацию, привлечение иностранных инвестиций и сокращение населённых пунктов, одновременно с отъездом населения из области. Хотя учёные СВКНИ на тот момент установили: к началу реформ правильно было бы говорить не об избыточном населении, а о качестве и структуре квалифицированных кадров на конкретных предприятиях [45].

После посещения Б. Н. Ельциным Магадана в 1993 г. правительству РФ было дано поручение оказать помощь Магаданской области в строительстве жилых домов и квартир для северян, проработавших не менее 15 лет и выезжающих в центральные районы России. Тем не менее эта программа не была профинансирована. И уже в 1999 г. Ельцин в своём послании Федеральному собранию высказал тезис о том, что Дальний Восток является отягчающим фактором для российской экономики.

Почти одновременно Всемирный банк (ВБ) вёл разработку проекта реструктуризации Севера. Первый документ был готов к 2000 г. Это так называемый пилотный проект реструктуризации Севера, он реализовывался в Воркуте, Норильске и Сусумане. И уже с приходом иностранных компаний месторождения золота (Кубака) и серебра (Лунное и Дукатное) в Магаданской области полностью осваивались вахтовым методом.

В исторической справке европейского документа его авторы сформулировали основные исторические выводы: советская региональная политика привела к созданию искусственной экономической структуры на Севере и раздутой численности населения, которая не могла бы развиваться в условиях рынка. С 1992 г. правительство РФ пытается создать жизнеспособную экономическую базу на Севере путём постепенного прекращения государственной поддержки в соответствии с общей целью перехода страны к рыночной экономике.

Специалисты Всемирного банка правительству РФ дали свои рекомендации, например, решением проблем на Севере могло бы стать сокращение штатов муниципалитетов, поскольку они требуют государственного финансирования. Стратегия Всемирного банка включала следующие элементы: принятие нового северного трудового и социального законодательства, предусматривающее большую зависимость от рыночных сил, а также устранение искажающих стимулов, которые в настоящее время поощряют миграцию на Север; ускорение экономической реструктуризации предприятий посредством продажи социальных активов и другие меры, которые позволяют промышленным предприятиям провести рационализацию; разрешение рыночных контрактных трудовых отношений; сокращение и/или закрытие нежизнеспособных населённых пунктов; повышение эффективности предоставления муниципальных и социальных услуг; открытие возможности для реструктуризации посредством поддержки выездной миграции [50].

Реструктуризация обходилась России в 94,4 млн долларов. Из них 80 млн долларов должны были быть взяты нашей страной в кредит у Всемирного банка. Правительство РФ вкладывало 13,87 млн долларов. Международный банк реконструкции и развития – 79,2 млн долларов. Другие источники (не идентифицированные) – 1,41 млн долларов. Общая стоимость проекта – 94,4 млн долларов [50]. К этому кредиту был привязан ряд условий, например, необходимо было отменить социальные гарантии для предприятий и населения в северных регионах и осуществить переход на вахтовый метод работы, уволить лишнюю рабочую силу. Реформа предусматривала поддержку миграции из региона минимум 25 тыс. чел. Правительство РФ запланировало сократить 38 населённых пунктов. За 1993-1994 гг. в Магаданской области была ликвидирована большая часть запланированных – 30 поселений [23].

В отличие от Норильска и Воркуты, где ситуация скорее попадала под категорию «сжатия», особенно если рассматривать воркутинское «кольцо» посёлков как единую городскую агломерацию, в Магаданской области была реализована политика полной ликвидации 30 населённых пунктов. В области 7 июля 2003 г. был принят региональный закон «О программе содействия в переселении граждан, проживающих в неперспективных населённых пунктах Магаданской области, на 2003-2007 годы» [22].

Программа реализовывалась под прикрытием социально-политической аргументации «Улучшение качества жизни населения области, сокращение затрат областного бюджета на содержание населённых пунктов, признанных неперспективными». Финансирование областной целевой программы содействия в переселении граждан, проживающих в неперспективных населённых пунктах Магаданской области, на 2003-2007 годы осуществлялось за счёт средств областного бюджета, бюджетов муниципальных образований (по согласованию) и бюджета внебюджетного фонда социально-экономического развития Магаданской области в условиях деятельности Особой экономической зоны, а также за счёт привлечения части средств, поступающих из федерального бюджета, на выплату жилищных субсидий. Законом были определены посёлки – «пионеры расселения». Одним из первых стал п. Кадыкчан.

Одновременно предполагалось и «сжатие» сохраняющегося города Сусуман (см. рис. 1) [13, 321], где были определены к ликвидации микрорайоны «Аэропорт», «Берелёх», «Заречье», посёлок Ягодное (микрорайон Гора), посёлок Мяунджа и др. С 1990 по 2000 гг. численность жителей области уменьшилась в 2 раза. В том числе и в самом Магадане (см. рис. 2) [4; 13, 81].

В годы приватизации и реструктуризации шло сокращение доходной базы территориальных (местных) бюджетов с одновременным ростом расходных обязательств, что вело к недостатку собственных средств муниципальных образований. Для местного управленческого сообщества становилось чрезвычайно сложно реализовывать региональные (муниципальные) программы социального и экономического развития [14], проблема финансирования местного бюджета стала спутником сокращения социального пространства области.

Вследствие реализации проекта реструктуризации в Магаданской области были получены следующие итоги. Наибольший отток населения отмечался с 1995 по 2000 гг. На 2018 г. область стала одной из самых малочисленных среди субъектов РФ: 83-е место в РФ из 85 регионов с долей населения 0,09 % от общероссийской численности; в 1990 г. – 77-е место из 89 с долей населения

0,26 % соответственно; доля пенсионеров в численности населения увеличилась с 12 % в 1990 г. до 32 % в 2018 г. В миграционном обмене с регионами России по-прежнему сохраняется отрицательное сальдо миграции [8, 6; 20, 14; 24; 30, 94-95].

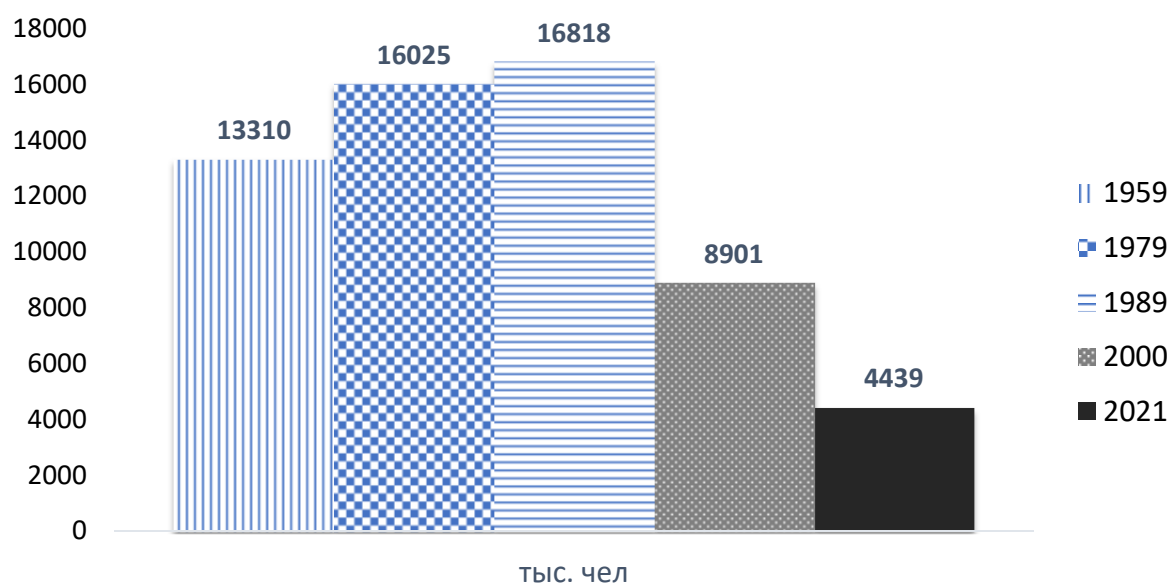

Рис. 1. Население Сусумана (1959-2023 гг.)

Заключение. Инкорпорация либеральных теорий реформирования социально-экономических отношений (приватизация предприятий золотодобывающей отрасли, привлечение иностранных инвестиций) сопровождалась внедрением в научное сообщество идей о необходимости освобождения предприятий от функции развития инфраструктуры, поддержки вахтового метода и реализации политического курса закрытия неперспективных населённых пунктов, что на практике действительно привело к «сжатию» физического социально-экономического пространства Магаданской области в 1990-е гг. – первом десятилетии XXI в.; это проявилось, прежде всего, в руинизации территории и резком сокращении населения, ухудшении демографического потенциала территории.

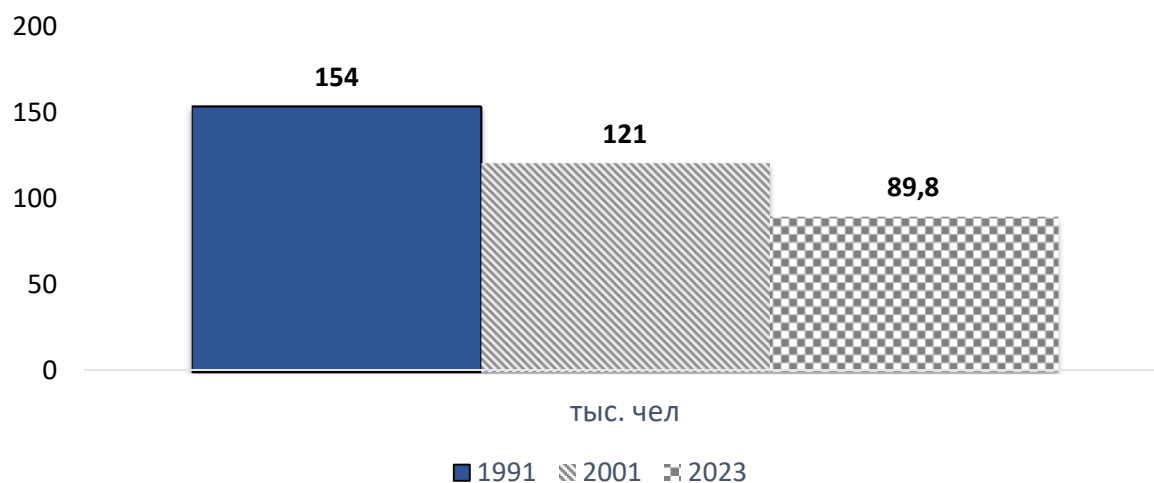

Рис. 2. Население Магадана в 1991-2023 гг. (тыс. чел.)

После получения таких негативных результатов проекта реструктуризации Севера в рамках теории «сжатия интенсивно используемого пространства», особенно после эпидемии ковида, в региональном научном сообществе появляется значительное число публикаций сотрудников СВКНИ [2; 3; 18], в частности лаборатории, которую возглавляет Н. В. Гальцева, а также Н. В. Ломакиной из института географии, А. Д. Файмана из ИКАРПа ДВО РАН. В них звучат тезисы о необходимости смены модели освоения ресурсов, взятой из зарубежного идейно-научного комплекса и инструкций финансовых институтов Европы, на стратегию создания в Магаданской области производств полного обрабатывающего цикла. Они подчёркивают, что современной России нужны эффективная «золотая экономика», т. е. единый комплекс хозяйственных сфер деятельности, непосредственно связанных с «жёлтым» металлом, и, соответственно, внесение изменений в миграционную политику Магаданской области.

Миграционная политика в русле западного проекта реструктуризации привела к руинизации территории. Возникли проблемы в управлении посёлками, в частности появились поселения, которые перестали входить в какой-либо муниципальный район. Население северных регионов ожидало от Правительства определённых преференций, но развитие событий в значительной мере пошло по пути, который был предложен МВФ и ВБ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ващук, А. С. Две стратегии планирования и развития дальневосточной территории: от научных идей к практикам реализации (вторая половина XX – начало XXI в.) / А. С. Ващук, Н. М. Платонова // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2022. – Т. 37. – С. 122-146.
2. Гальцева, Н. В. Уровень жизни в Магаданской области: мифы и реальность / Н. В. Гальцева, О. С. Фавстрицкая, О. А. Шарыпова // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 26. – С. 10-20.
3. Гальцева, Н. В. Социально-экономические факторы миграционных процессов в Магаданской области / Н. В. Гальцева, О. С. Фавстрицкая, О. А. Шарыпова // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 23-34.
4. Города Магаданской области // Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов – 2008 г. // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b08_14t/IssWWW.exe/Stg/d/07-00.htm (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.
5. Гребенюк, П. С. Рождение Магаданской области: Северо-Восток СССР в 1953-1957 гг. / П. С. Гребенюк. – М.: Политическая энциклопедия, 2022. – 278 с.
6. Гуриев, С. М. Экономика «ресурсного проклятия» / С. М. Гуриев, К. И. Сонин // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – С. 61-74.
7. Гурова, О. Н. Региональные аспекты освоения минерально-сырьевых ресурсов (на примере Забайкальского края) / О. Н. Гурова // Известия Уральского государственного горного университета. – 2020. – Вып. 2 (58). – С. 184-190.
8. Дальний Восток России: Экономическое обозрение. – М.: Прогресс Комплекс. – Приложение. – 122 с.
9. Ждановская, А. А. Куда ведут Россию МВФ, Всемирный банк и ВТО. Кн. 2: Россия в неолиберальной петле / А. А. Ждановская. – 2-е изд. – М.: ЛЕНАД, 2016. – 264 с.
10. Замятина, Н. Ю. Современная теория освоения: поиски интегрирующей платформы / Н. Ю. Замятина, А. Н. Пилясов // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2019. – № 2 (64). – С. 16-28.
11. Заусаев, В. Как удержать людей на Дальнем Востоке / В. Заусаев // Российская газета. – 2009. – 30 июля.
12. Зеляк, В. Г. Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928-1991 гг. / В. Г. Зеляк. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. – 466 с.
13. История поселений Магаданской области. – Магадан: Охотник, 2023. – 436 с.
14. Кизиль, Е. В. К вопросу об устойчивости бюджетов территориальных образований / Е. В. Кизиль // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № VI-2 (62). – С. 119-123.
15. Современный подход к разработке и выбору стратегических альтернатив развития ресурсных регионов / В. А. Крюков, А. Е. Севастьянова, А. Н. Токарев, В. В. Шмат // Экономика региона. – 2017. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 93-105.

16. Куян, М. А. Ресурсное проклятие России: миф или реальность? / М. А. Куян // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2016. – № 1 (9). – С. 140-143.
17. Либерализация и стабилизация – пять лет спустя: сб. докладов. – М.: Институт экономических проблем переходного периода, 1997. – Научные труды. – № 4р. – 98 с.
18. Ломакина, Н. В. «Фактор вахтовиков» в ресурсных отраслях: эффекты для экономики региона / Н. В. Ломакина, А. Д. Файман // Регионалистика. – 2021. – Т. 8. – № 6. – С. 5-35.
19. Любимов, И. Л. Может ли ресурсное проклятие стать благом для российской экономики? / И. Л. Любимов // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17. – № 10. – С. 1265-1274.
20. Магаданская область в цифрах. 2014: крат. стат. сб. / Магаданстат. – Магадан, 2014. – 106 с.
21. Хамфрис, М. Как избежать ресурсного проклятия / М. Хамфрис, Д. Сакс и Д. Стиглиц; пер. с англ. Н. Автономовой, И. Фридмана; под ред. Е. Добрушиной и А. Ю. Кнобеля. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 464 с.
22. О программе содействия в переселении граждан, проживающих в неперспективных населённых пунктах Магаданской области, на 2003-2007 годы // Электронный фонд правовых и нормативно технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/802019467> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.
23. Обновление схемы территориального планирования Магаданской области. Т. I. Современное состояние и потенциал развития Магаданской области // Сибирский зональный научно-исследовательский и проектный институт ОАО «СибЗНИИЭП». – URL: https://architect.49gov.ru/common/upload/29/editor/file/tom_1_2.pdf (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.
24. Общая численность населения Магаданской области за 1991-2020 год // Численность населения РФ. – URL: <https://численность-населения.рф/магаданская-область> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.
25. Одлинг-Сми, Дж. Международный Валютный Фонд и Россия в 1990-х годах // Социально-экономическая трансформация в странах СНГ: достижения и проблемы. Международная конференция, Москва, 13-14 сентября 2004 г. – Институт Гайдара. – URL: https://www.iep.ru/files/text/confer/2004_09_13-14/Oddling-Smee_ru.pdf (дата обращения: 14.04.2024). – Текст: электронный.
26. Петин, А. Колыма, которую мы потеряли... / А. Петин // Колыма. – URL: <https://www.kolymastory.ru/glavnaya/kolyma-kotoruyu-my-poteryali/> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.
27. Пивоваров, Ю. Л. Сжатие интенсивно используемого пространства: концепция макрорегионального развития России / Ю. Л. Пивоваров // Известия РАН. – Серия география. – 1997. – № 5. – С. 114-124.
28. Полтерович, В. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика / В. Полтерович, В. Попов, А. Тонис // Вопросы экономики. – 2007. – № (6). – С. 4-27. – URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-6-4-27> (дата обращения: 14.04.2024). – Текст: электронный.
29. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. – М.: Росстат, 2023. – 1126 с.
30. Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб.. – М.: Росстат, 2014. – 900 с.
31. Репина, Л. П. От личностного до глобального: ещё раз о пространстве интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2005. – Вып. 14. – С. 5-11.
32. Репина, Л. П. Контексты интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2008. – Вып. 25-1. – С. 5-11.
33. Ресурсное проклятие // Профиль. – 2007. – № 34. – 17 сентября. – URL: <https://www.hse.ru/news/1163603/1145764.html> (дата обращения: 12.04.2024). – Текст: электронный.
34. Родоман, Б. География и судьбы России / Б. Родоман // Знание – сила. – 1993. – Март. – С. 12-33.
35. Романова, Е. А. Эффект сжатия социально-экономического пространства в условиях приграничья (на примере СЗФО) / Е. А. Романова, О. Л. Виноградов, И. В. Фризина // Балтийский регион. – 2015. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effekt-szhatiya-sotsialno-ekonomicheskogo-prostranstva-v-usloviyah-prigranichya-na-primere-szfo> (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.
36. Саква, Р. Сырьевой сектор России: экономика контроля и политика ренты / Р. Саква // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 6 (74). – С. 112-130.
37. Трейвиш, А. И. «Сжатие» пространства: трактовка и модели / А. И. Трейвиш // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования: сборник науч. трудов. – М., 2010. – С. 16-31.
38. Трейвиш, А. Теоретическая география, геополитика и будущее / А. Трейвиш, В. Шупер // Свободная мысль. – 1992. – № 12. – С. 23-33.

39. Трубицын, Д. В. Исследование ресурсного проклятия в экономике, возможности использования их результатов в концепции модернизации / Д. В. Трубицын // Учёные записки ЗабГУ. – 2014. – № 4 (57). – С. 102-113.
40. Харви, Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений / Д. Харви. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. – URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64465522 (дата обращения: 04.03.2024). – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.
41. Хилл, Ф. Сибирское бремя: просчёты советского планирования и будущее России / Ф. Хилл, К. Гэдди; пер. с англ. – М.: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007. – 328 с.
42. Ховавко, И. Ю. «Ресурсное проклятие»: обзор точек зрения / И. Ю. Ховавко, К. И. Шведов // Государственное управление. – 2017. – № 64. – Октябрь. – С. 56-67.
43. Цимбурский, В. Рецензия на книгу «Миграция и безопасность в России» / В. Цимбурский // Pro et Contra. – 2002. – Т. 7. – № 1. – С. 168-179.
44. Чиркова, Е. Развитие ресурсных экономик / Е. Чиркова // Московский центр Карнеги. – URL: <https://carnegiemoscow.org/2017/03/28/ru-pub-68411> (дата обращения: 12.04.2024). – Текст: электронный.
45. Шершакова, Е. М. Промежуточный отчёт. Население и трудовые ресурсы Магаданской области в 1993-1994 гг. и в первом полугодии 1995 г. по хоздоговорной теме «Прогноз численности населения и трудовых ресурсов Магаданской области на 1996-1997 гг.» / Е. М. Шершакова // Архив СВКНИ ДВО РАН. – Магадан, 1995. – С. 3-10.
46. Широков, А. И. Социальная среда советской колонизации Северо-Востока / А. И. Широков // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 299. – С. 91-93.
47. Щербак, С. Гипотеза модернизации и неолиберализм / С. Щербак // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17. – № 3. – С. 291-328.
48. Auty R., The Political Economy of Resource-Driven Growth // European Economic Review. – 2001. – Vol. 45. – № 4. – P. 839-846.
49. Rosser A. The Political Economy of the Resource Curse: A Literature Survey Survey / Institute of Development Studies. – IDS Working Paper 268. – April 2006. 33 p.
50. Russian Federation – Northern Restructuring Pilot Project (English). – Washington, D.C.: World Bank Group. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/123761468763188911/Russian-Federation-Northern-Restructuring-Pilot-Project> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.
51. Sachs J. Government, Geography, and Growth: The True Drivers of Economic Development // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – No 5. – P. 142-150. – URL: <http://jeffsachs.org/2012/08/government-geography-and-growth-the-truedrivers-of-economic-development/> (дата обращения: 12.10.2017). – Текст: электронный.
52. Storey K. Fly-in/Fly-out: Implications for Community // Sustainability. – 2010. – No. 2(5). – P. 1161-1181.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В публикациях встречается другое название – северные территории ДФО. Чукотка в 1992 г. стала самостоятельным субъектом РФ, тема рассматривается в рамках Магаданской области.
2. В период с 1992 по 2003 г. Джон Одлинг-Сми (John Odling-Smee) возглавлял Второй Европейский Департамент МВФ.
3. В соответствии с распоряжением Министерства юстиции Российской Федерации от 8 апреля 2022 года Московский центр Карнеги, представлявший в России Фонд Карнеги за международный мир (США), прекратил свою работу.
4. Илларионов А. Н. – советский и российский экономист и политик, общественный деятель. Основатель и президент российской некоммерческой организации «Институт экономического анализа». Кандидат экономических наук. В прошлом – первый заместитель директора Рабочего центра экономических реформ при Правительстве России (1992–1993), руководитель группы анализа и планирования при председателе правительства России (1993–1994), советник Президента России В. В. Путина по экономике и доверенное лицо (шерпа) президента РФ в «Большой восьмёрке» (2000–2005). Он последовательно выступал за сокращение вмешательства государства в экономику, за отказ от получения иностранных кредитов, выплату внешнего долга. Предложил идею создания российского стабилизационного фонда. Будучи советником Президента, выступал в СМИ с критикой ряда решений В. В. Путина. Усиление разногласий с руководством и невозможность влиять на экономическую политику государства привели к инициативной отставке Илларионова с поста советника президента в декабре 2005 г. После отставки участвует в деятельности российской оппозиции. В настоящее время работает научным сотрудником Центра политики безопасности (США), является экспертом аналитического центра «Украинский институт будущего».